

Глава 37

— Я что, такой же извращенец, как ты?!

Юэ Цянь сердито сверкнул глазами на Инь Мо и холодно усмехнулся:

— Глубокой ночью вы тут людям спать не даёте, так что в участок тебе прямая дорога.

Инь Мо, однако, выглядел искренне озадаченным.

— Но я не пел.

Офицер опешил. Он снова окинул Инь Мо взглядом с головы до ног.

— Не пел? Значит, стриптиз плясал?

Инь Мо промолчал.

Старик, вызвавший полицию, поспешил вмешаться:

— Офицер, вы только Сяо Иня не забирайте! Сяо Инь не такой, как эти охальники!

Юэ Цяню стало даже смешно: все нарушают покой, а Инь Мо, значит, «не такой». Надо же, даже здесь связями обзавёлся. Но раз уж попался под горячую руку, он твердо решил доставить его в отделение.

Тот сопротивляться не стал. Инь Мо лишь обернулся к дедушке Ли и спокойно произнёс:

— Деда Ли, не волнуйтесь. Офицер Юэ — человек рассудительный.

Но старик не унимался. Он вцепился в рукав Юэ Цяня:

— Я полицию звал, чтобы вы этих бессовестных приструнили! Смотрите мне, не вздумайте Сяо Иня пугать. Если он рассердится и перестанет заказы с нашей улицы брать, кто мне петь будет, когда я помру?!

Юэ Цянь промолчал.

«Судя по всему, душевное состояние стариков с улицы Байцяо на десятилетия опережало

современную молодежь»

Глубокой ночью свободных патрульных машин не хватало. Задержанных увозили партиями, и Юэ Цяню достался лишь мотоцикл. Посёлок Цзячжи невелик, от Байцяо до участка — рукой подать, можно и пешком дойти, но юноша покосился на каблучки Инь Мо и решил, что заставлять того ковылять на своих двоих будет верхом жестокости.

— Садись, — бросил Юэ Цянь, усаживаясь на мотоцикл.

Спутник церемониться не стал. Он устроился сзади, боком, и тут же обхватил офицера за талию левой рукой.

Спина Юэ Цяня мгновенно стала прямой, как стальной лист. Он глянул вниз: рука Инь Мо прижимала его к себе намертво.

— Ты... — Офицер посмотрел в зеркало заднего вида. — Руку убери.

— М-м? — Тот и не подумал шевелиться. — Если я так сижу и не держусь, то просто свалюсь на повороте.

— Так сядь нормально!

— Подол узкий, ноги не развести.

Только сейчас Юэ Цянь вспомнил про его ципао.

«Разрез же до самого бедра, что там мешает?»

Вслух он сказал другое:

— Ц-ц... И обязательно было в таком виде являться?

— Жизнь — штука непростая, приходится крутиться, — Инь Мо усмехнулся. — Если бы не пришлось покупать телефон кое-кому, не пришлось бы так усердствовать.

Офицер поперхнулся словами. Он, вообще-то, не просил покупать ему аппарат за восемь тысяч! Как это он умудрился ещё и виноватым остаться?!

— Едем? — Инь Мо легонько постучал пальцами по его боку.

— Не лапай меня! — Юноша начал терять терпение. С тех пор как он увидел ту бумажную куклу со своим именем, сохранять невозмутимость рядом с этим человеком стало непосильной задачей. Но так как информации о связи двух миров у него было критически мало, выдавать своё раздражение открыто он не мог.

— Как скажешь, — послушно отозвался Инь Мо.

Вздыхнув, Юэ Цянь выжал газ, и мотоцикл рванул с места.

В дежурной части было не протолкнуться. Кроме отпрысков семьи Чжао, здесь собрались все ритуальщики, один другого краше. В тёмном шатре их наряды ещё как-то вписывались в атмосферу, но под безжалостным светом люминесцентных ламп они выглядели как сборище нечисти, решившей устроить маскарад. Инь Мо на их фоне казался разве что самым породистым демоном.

И всё же Юэ Цяню это зрелище неистово резало глаза. Он уже сто раз пожалел, что не заставил Инь Мо переодеться и смыть грим. Но сейчас времени на него не было, пришлось оставить «красавицу» в коридоре на попечение случая.

Семья Чжао в это время со слезами на глазах расписывала полицейским чёрствость соседей. Мол, у кого горе не случалось? Кто из нас не провожал родителей с размахом? Почему другим можно, а их покойному отцу — нельзя? В законе ведь не прописано, что нельзя поминать семь дней кряду! Все это — обычная зависть к их достатку!

Детишки, которые в обычной жизни друг друга на дух не переносили, сейчас сплотились единым фронтом, наотрез отказываясь признавать нарушение тишины.

С другой стороны, ритуальщики тоже строили из себя невинных овечек. Они, дескать, люди подневольные: что клиент заказал, то и исполнили. А стриптиз — это так, «инновация», веление времени.

Конкуренция-то нынче везде бешеная! В городах уже давно запретили поминальные шатры во дворах, всех гонят в похоронные бюро. А чтобы там выступить, нужны связи, мелким сошкам туда ходу нет. Вот и приходится окучивать деревни да посёлки. Но и тут желающих много — не будешь удивлять, не выживешь. Без «фишки» в их деле ловить нечего.

Все они прекрасно знали, что после полуночи шуметь нельзя, но семья Чжао платила так щедро, что совесть у всех разом заснула крепким сном.

В участке стоял гвалт, как на базаре. Юэ Цянь, будучи следователем, с административкой сталкивался редко, и от этого шума у него уже искры из глаз сыпались. Он твёрдо решил, что,

как только рассветет, обязательно обсудит с начальником Ли вопрос наведения порядка в ритуальной сфере посёлка.

Когда с протоколами было почти покончено, он заметил Инь Мо. Тот сидел на скамье, низко склонившись и что-то разглядывая на своей ноге. Подойдя ближе, Юэ Цянь увидел, что на тонком капроне зияет огромная дыра.

Зрелище и так было специфическое, а теперь и вовсе стало невыносимым.

Инь Мо поднял голову и, не дожидаясь вопроса, произнёс:

— Об твой байк зацепил.

Юэ Цянь округлил глаза. Что?! Это он ещё и виноват?

— С чего это?! Когда слезали, всё целое было. Я что, по-твоему, слепой?

— Так ты, значит, за моими ногами следил? — прищурился Инь Мо.

Офицер холодно усмехнулся:

— Много чести. Сдались мне твои ноги.

— Тогда откуда знаешь, что они целые были?

Тот замялся. Он и вправду не «следил» — не хватало ещё в извращенцы записаться. Но боковым зрением всё же отметил: когда Инь Мо слезал с мотоцикла, чулки были в полном порядке!

Инь Мо тем временем принялся ковырять дыру пальцем.

— Зацепил нитку, сначала и не видно было. А потом она поползла-поползла, и вот результат.

Объяснял он это с таким искренним видом, что Юэ Цянь, засомневавшись, невольно присел на корточки, чтобы рассмотреть повреждение. Профессиональная деформация, не иначе: следователь всегда обращает внимание на детали, особенно на те, в которых не разбирается. Офицер склонился совсем близко и, сам того не замечая, коснулся края дыры.

Сверху донёлся тихий смешок.

Его щеки внезапно обдало жаром. Юэ Цянь тут же отдернул руку.

«Нейлоновые чулки — вещь коварная: тонкая преграда, полная двусмысленных намеков»

Он был готов поклясться чем угодно, что рваный капрон на мужских ногах его ничуть не прельщает, но ситуация выглядела, мягко говоря, двусмысленно. Юноша кашлянул и резко выпрямился:

— Переоденься во что-нибудь другое.

Инь Мо покачал головой:

— Не во что.

Юэ Цянь хотел было поскорее закончить с его показаниями и выставить за дверь, но увидел, что тот продолжает ковырять дыру.

— Тебе что, процесс понравился? Сдаётся мне, ты сам эту дыру и проделал, чтобы на меня вину свалить!

— Правда, об мотоцикл зацепил. У тебя нет какой-нибудь одежды? Одолжи на время, в этих чулках... неудобно.

Поскольку Юэ Цянь уже несколько дней жил в участке, сменная одежда у него была.

Перебросившись парой слов с коллегами, он повёл Инь Мо в свою комнату отдыха.

— Всё менять будешь? Вот, возьми брюки и рубашку...

— Это твои? — Инь Мо взял со стола тубик с пенкой для умывания и с любопытством повертел его в руках.

Большинство местных полицейских и слыхом не слыхивали о таких изысках — плеснул в лицо холодной водой, и порядок. А тут — брендовая вещь, юаней за двести, почти нетронутая. Неудивительно, что гость заинтересовался.

До своего «переселения» Юэ Цянь имел внушительный арсенал средств по уходу за кожей. Конечно, во время крупных дел он мог днями не умываться, но в спокойное время был тем ещё щеголем. После перемещения в дом деда о такой роскоши пришлось забыть, но, получив первую зарплату, он тут же купил эту пенку и банку крема, которыми толком и воспользоваться-то не успел.

Ему стало не по себе — кто знает, что Инь Мо может из этого выудить?

— Ага, мои. Пользуйся, если надо.

Инь Мо отправился смывать грим, а Юэ Цянь остался стоять в стороне. «Чистое» лицо собеседника нравилось ему куда больше. Когда тот, сполоснув лицо, зачесал мокрые волосы назад, открывая лоб, юноша удовлетворенно кивнул.

Он поймал себя на мысли, что ведёт себя как строгий отец, который считает, что его взрослой дочери больше всего идёт естественная красота.

Когда Инь Мо начал стягивать ципао, Юэ Цянь инстинктивно отвернулся. Но без визуального контакта слух обострился до предела. Он слышал шорох ткани, скользящей по коже, тихий шелест снимаемых чулок... Эти звуки казались оглушительными в тишине комнаты, словно крошечные муравьи пробежали по спине, вызывая странный зуд.

В конце концов Юэ Цянь не выдержал и обернулся как раз в тот момент, когда Инь Мо натягивал брюки. Ноги у него были длинными, мускулистыми, вовсе не похожими на женские — на ощупь, должно быть, такие же, как у самого Юэ Цяня. Следовательно убеждал себя, что смотрит на него исключительно с профессиональным интересом, оценивая физическую форму, но взгляд невольно скользнул выше, фиксируя рельеф пресса, линию паха и то, что скрывалось под ней...

Инь Мо замер.

— На что это ты так смотришь?

Юэ Цянь вздрогнул и тут же перешёл в атаку:

— Что ты копаешься? Быстрее нельзя штаны надеть?

Соблазнить он его тут решил, что ли?!

— Твои штаны... — Инь Мо замялся. — Немного маловаты.

Юэ Цянь вспыхнул:

— Не нравится — не носи! Ходи голышом!

Инь Мо усмехнулся:

— Не пойдёт. За хулиганство в участке меня отсюда до конца дней не выпустят.

— То-то же!

Кое-как Инь Мо всё же втиснулся в одежду. Поскольку он был выше Юэ Цяня, ткань обтянула его фигуру слишком плотно, а штанины оказались коротковаты. Юноша глубоко вздохнул, сокрушаясь о тщедушном телосложении своего нынешнего «сосуда». Будь он в своём прежнем теле, эти тряпки на нём бы просто лопнули от мышц!

Инь Мо оставался последним, у кого не взяли показания. Юэ Цянь привёл его обратно в зал.

— Что ты делал сегодня на Байцяо?

— Работал. Похороны.

— Что именно делал?

— Пел.

— И что за репертуар?

Инь Мо выдал список заезженных поп-хитов десятилетней давности.

— ...И стриптиз не плясал? — Юэ Цянь смерил его подозрительным взглядом.

Инь Мо на мгновение замолчал.

— Третий брат Чжао просил об этом, но я не за всякую работу берусь.

— Похвально, что у тебя остались хоть какие-то принципы, — только Юэ Цянь собрался одобрить его позицию, как Инь Мо добавил:

— Я могу станцевать лично для офицера Юэ.

Полицейский чуть ручку не переломил.

— Ты!..

Инь Мо кивнул:

— Офицер ведь уже всё посмотрел.

Стоявший рядом дежурный офицер Лю округлил глаза:

— Сяо Юэ... вы... вы что там?..

Юэ Цянь затараторил:

— Брат Лю, я просто отвёл его переодеться!

— Всё равно ведь разделся, — невозмутимо вставил Инь Мо.

Юэ Цянь понял: этот тип издевается над ним намеренно. Он, гроза преступного мира, допрашивавший самых отпетых мерзавцев, неужели спасует перед какими-то провокациями?

— До которого часа пели? — Юэ Цянь вернулся к делу. — Шумели после полуночи?

— За других не скажу, но мои закончили в одиннадцать сорок. Дальше мы не шумели.

— Тогда почему не ушли? Ждали следующего выхода?

— Третий брат Чжао не отпускал. Совал деньги, чтобы мы пели до четырех утра. — Инь Мо пристально посмотрел Юэ Цяню в глаза. — Мы люди подневольные, клиентов обижать не с руки. Когда соседи начали лаяться с семьёй Чжао, мы в драку не лезли. И уйти не могли, и оставаться было тошно.

Офицер спросил:

— И что в итоге?

Инь Мо улыбнулся:

— В итоге я посоветовал дедушке Ли вызвать полицию, чтобы вы нас рассудили.

В глазах Инь Мо Юэ Цянь прочёл странную уверенность, почти торжество.

«И чему этот тип так радуется?»

Судя по показаниям всех свидетелей, команда Инь Мо действительно оказалась самой дисциплинированной и просто попала под горячую руку из-за стриптизеров. Юэ Цянь вывел его из участка. Он хотел было ещё разок наставить его на путь истинный, но заметил, что Инь Мо под светом уличного фонаря внимательно его изучает.

Шёл пятый час утра — самое тёмное время перед рассветом. На улице ни души, свет ламп тусклый и неровный. Когда этот хозяин ритуальной лавки, с детства твердящий, что видит «всякое», замолкает и так смотрит на тебя... даже у такого прожженного скептика, как Юэ Цянь, мурашки по коже пробегают.

— Иди уже домой, — бросил он, и сам осекся: фраза прозвучала так, будто он спрашивает назойливое привидение.

Инь Мо теперь не улыбался. Половина его лица тонула в тени, что делало его вид ещё более зловещим.

— Ты задержал невиновного. Не считаешь, что полагается компенсация?

— Я тебя не задерживал, просто взял показания. — Юэ Цянь глубоко вздохнул, пытаясь вернуть себе самообладание, и снова посмотрел на Инь Мо. — И какую же компенсацию ты хочешь?

— Накорми меня завтраком и купи новые чулки.

— Чулки тебе... — Юэ Цянь с трудом сдержал едкое замечание.

В такой час ни столовая в участке, ни уличные лавки ещё не работали.

— Если подождешь... — начал было Юэ Цянь, но тут из участка выскочил коллега:

— Сяо Юэ, новый вызов! Живо!

Когда офицер обернулся, Инь Мо уже и след простыл. На улице было хоть глаз выколи, и этот человек словно растворился во тьме.

Юэ Цяню было не до поисков — служба звала. На этот раз мирить пришлось престарелую чету: старики так неистово колотили друг друга, что оба заработали по перелому. Он до самого рассвета слушал их взаимные проклятия.

«Ну и старики пошли...»

Отработав три ночных смены, Юэ Цянь посмотрел в зеркало на свои темные круги под глазами. Работа в посёлке не была изнурительной в плане физическом или психологическом — до отдела тяжких преступлений ей было далеко — но она выматывала своей будничностью.

Немного отдохнув, он отправился к начальнику Ли обсудить проблему ритуального беспредела. Ли, проработавший в Цзячжи всю жизнь, обладал куда более мягким нравом, чем Чэнь Суй. Он уже был в курсе ночных событий на Байцяо и долго жаловался офицеру на жизнь. Мол, он ещё в прошлом году хотел навести порядок, да только стариков в посёлке много, ритуальщики на этом хлеб едят, интересов тьма... Стоит только прижать — и артисты бунтуют, и старики не понимают. Вот и приходится на многое закрывать глаза.

Юэ Цянь мягко, но настойчиво убеждал Ли, что правила нужны всем — не запрет, а именно порядок. Тогда и проблем будет меньше. Будучи новичком, который уже успел отличиться при раскрытии дел в деревне Цзячжи и даже попасть на карандаш в городском управлении, Юэ Цянь пользовался уважением. Ли, впечатленный его доводами, тут же решил собрать всех местных ритуальщиков на серьезный разговор.

Когда Чэнь Суй узнал, что Юэ Цянь влез даже в дела похоронщиков, он лишь хмыкнул:

— Есть хоть что-то, за что наш новичок не возьмётся?

Юэ Цянь по-детски улыбнулся:

— Так я же у вас учусь, начальник Чэнь. Широта взглядов, так сказать.

Чэнь Суй лезть проигнорировал и кивнул на папку на столе.

— Меня переводят в городское управление? — Юэ Цянь изобразил испуг и недоумение. — Но... это же... я ведь ничего ещё не умею.

— Временное прикомандирование. Останешься ли там насовсем — зависит от твоих успехов. — Чэнь Суй в упор посмотрел на него. — Что, когда дело раскрывал, смелости было хоть отбавляй, а теперь в кусты?

— Да нет... — парень поскреб затылок. — Просто где я, а где элита из управления. Я же так, птенец желторотый.

— Не видел я ещё таких «птенцов», которые дела за собой тащат.

— Так это я под вашим крылом был. В управлении-то у меня заступников не будет.

Начальник нахмурился:

— С чего ты взял, что я твой заступник?

Юэ Цянь рассмеялся:

— А разве нет? Вы учили меня, делились опытом... Как бы я, зеленый выпускник академии, без вашей школы справился?

Хотя Чэнь Суй сохранял ледяное выражение лица, доброе слово и кошке приятно. Было заметно, что он немного оттаял.

— Тебя забирают в управление в основном из-за дела Ли Фухая. Оно ещё не закрыто, и Юнбинь может в любой момент запросить нашу помощь. Тебе лучше адаптироваться в управлении сейчас, чем киснуть в участке. — Начальник помедлил. — К тому же, Е Бо на этом настаивал.

Последнее уточнение было явно лишним. Юэ Цянь понимал, что именно Чэнь Суй приложил руку к его переводу, но тот не хотел афишировать свою заботу и прикрылся авторитетом Е Бо.

— Спасибо, начальник Чэнь!

— Не за что. У тебя есть ещё пара дней здесь, так что подготовься как следует.

Перевод в город означал, что видеться с дедом каждый день не получится. Юэ Цянь накопил всякой снеди и отправился в деревню. Старик Юэ поначалу ворчал, что внук транжирит деньги, но, узнав о переводе в Наньхэ, замолчал. Глаза его подозрительно покраснели, он долго хлопал Юэ Цяня по плечу, повторяя:

— Молодец, малый! Уважил деда! Не зря я за тебя молился!

В своём мире самым близким человеком для Юэ Цяня был Нин Цинь, но сейчас он чувствовал, что старик Юэ — его настоящая плоть и кровь. В этой реальности дед был единственным, кто любил его без остатка.

— Деда, сегодня я сам ужин приготовлю.

— Да что ты там приготовишь, иди отдыхай!

— Нет уж, сегодня моя очередь.

Юэ Цянь пробыл дома полдня, а затем засобирался обратно в участок. Дед гордо шествовал за

ним до самых ворот, во всеуслышание хвастаясь соседям:

— Слыхали? Нашего-то Цянь-цзы в город забирают! На повышение пошёл!

Начальник Ли, воодушевленный примером Чэнь Суя, внезапно проявил небывалое рвение. За пару дней он перетряс всех ритуальщиков посёлка. Требования были жесткими: уровень шума под контроль, выступления строго до двенадцати, никакой пошлятины и суеверий. Пунктов было много, и выполнять их никто особо не рвался. Большинство согласно кивали, а про себя думали, как бы поскорее вернуться к привычным делам, когда шумиха уляжется.

Юэ Цянь и не подозревал, что первой «жертвой» нововведений станет он сам.

В тот день у него не было дежурства. Едва он вышел из участка, как увидел Инь Мо. Тот стоял на противоположной стороне улицы и лениво помахал ему рукой.

Офицер подошел ближе.

— Меня ждёшь?

Сегодня его спутник выглядел совершенно нормально. Было жарко, и он надел светлые джинсы и серую ветровку. Волосы, видимо, только после душа, были пушистыми и убраны в низкий пучок.

Юэ Цянь невольно принюхался. Обычно от Инь Мо пахло воском и благовониями, но сегодня от него исходила лишь свежесть.

— Со службы? — спросил Инь Мо.

— Угу. — Офицер чувствовал подвох. Обычно Инь Мо появлялся либо под звуки соны, либо с горой бумажных подношений, ну или в рваных чулках, как в прошлый раз. К такой нормальности Юэ Цянь был не готов.

— Хорошо-то как, — протянул Инь Мо.

Юноша окончательно запутался.

— Что хорошо?

Инь Мо посмотрел на него и улыбнулся:

— Хорошо, когда есть работа.

Юэ Цянь промолчал.

— Ты это на что намекаешь? Ты, большой босс, сам себе хозяин, и вдруг завидуешь нам, простым работягам?

— Из-за тебя я своей работы лишился, — отрезал Инь Мо.

Юэ Цянь скептически изогнул бровь:

— Да ладно? Весь посёлок знает, что ты — самый востребованный мастер. Если бы я тебя работы лишил, дедушка Ли уже бы у меня под окнами с плакатом сидел.

В уголках губ Инь Мо заиграла улыбка, но он продолжал гнуть свою линию:

— Если бы не твоя затея с проверками, я бы сейчас уже на сцену выходил.

Юэ Цянь понимал, что собеседник вряд ли сильно пострадал — он ведь не занимался низкопробными шоу и не шумел по ночам. Но в административных делах Юэ Цянь был не силен. Если начальник Ли решил «закрутить гайки» по полной, Инь Мо вполне мог попасть под раздачу.

— И что Ли вам наговорил? — с сомнением спросил Юэ Цянь.

Инь Мо вздохнул:

— Может, накормишь меня ужином? В прошлый раз с завтраком не задалось.

Юэ Цянь и сам был не прочь поесть, но в местных заведениях ориентировался хуже Инь Мо.

— Веди.

Инь Мо привёл его в небольшую семейную закусочную. Он заказал три блюда и только потом протянул меню Юэ Цяню. Тот глянул на соседний стол — порции были внушительными, поэтому он лишь добавил говядину с молодыми побегами горчицы.

— Ну, теперь выкладывай, — Юэ Цянь отхлебнул согревающего бульона. Местный проводник не подвёл — кухня здесь оказалась лучшей из всего, что он пробовал после перемещения. — Если ты закон не нарушал, с чего бы твоим делам прахом идти?

— Ну вот так, не идут и всё, — Инь Мо не сводил с него глаз.

— Слушай, не темни. Я тебя по-хорошему спрашиваю, а ты мне — «не идут»! — Юэ Цянь с досадой подцепил палочками кусок рыбы в кисло-сладком соусе.

— Правил слишком много. То нельзя, это запрещено... Управа теперь боится ответственности, вообще запретили шатры ставить до особого распоряжения. — Тот пожал плечами. — Так что я теперь безработный.

Такого поворота офицер не ожидал.

— Хм... Надо будет с Ли поговорить. А еще что?

— Учеба эта бесконечная... На бумажные куклы времени совсем не остается.

Юэ Цянь хотел было съязвить: «Не можешь петь — торгуй ритуальной бумагой», но вовремя прикусил язык и сосредоточился на еде.

Когда он опускал голову, Инь Мо с нескрываемым интересом наблюдал за ним. Взгляд его был таким мягким, что глаза невольно сузились в подобии улыбки. Но Юэ Цянь, слишком увлеченный ужином, этого не заметил. А когда поднял голову, Инь Мо уже смотрел в сторону.

Платил за ужин Юэ Цянь, но собеседник почти ничего не съел — только жаловался на судьбу. Поначалу офицер оставался безучастным, но Инь Мо говорил так проникновенно, что в душе следователя зашевелилось чувство вины.

— Может, тебе пока в других посёлках поработать? Или в городе? В старых районах на это смотрят сквозь пальцы.

Инь Мо кивнул:

— Ты ведь переводишься в город?

— И это ты уже знаешь?

Тот усмехнулся:

— Тогда, когда я буду там по делам, ты должен будешь меня прикрывать.

Юэ Цянь выпалил:

— Я в убойный отдел иду! Каким боком я к твоим делам?

— Никаким, — лицо Инь Мо мгновенно стало серьёзным. — Это ты выжил меня в город. Тебе и прикрывать.

«Ну и тип! С логикой у него явно неладит!» — подумал Юэ Цянь, но вслух бросил:

— Ладно-ладно, прикрою.

Инь Мо снова просиял и подложил Юэ Цяню в тарелку кусок острого кальмара.

Юноша всё пытался понять, зачем тому «другому» Инь Мо понадобилось делать его бумажную копию, но не знал, как подступиться к этой теме. Атмосфера за столом была располагающей, и он, помедлив, спросил:

— Слушай, а братья у тебя есть?

Тот окинул его странным взглядом.

— Ты что, допрос проводишь? В моём личном деле я один значусь.

От этих слов повеяло таким одиночеством, что Юэ Цяню стало не по себе. Он через силу выдавил:

— Да какой допрос... Просто к слову пришлось.

— А-а... — протянул Инь Мо. — Значит, ты мной лично заинтересовался? И даже моей семьей?

«Всё страньше и страньше!»

Юэ Цянь встретился с ним взглядом.

— Я просто видел человека, который на тебя очень похож. Вот и спросил.

— Похож? И где же?

Юноша промолчал. Интуиция подсказывала: любой ответ сейчас выдаст его с головой.

Инь Мо вдруг рассмеялся:

— У меня нет братьев. Но я, кажется, понимаю, почему тебе мерещатся люди, похожие на меня.

Сердце Юэ Цяня ёкнуло. Неужели зацепка?

— Потому что ты только обо мне и думаешь, — самодовольно заявил Инь Мо. — Вот тебе повсюду моё лицо и мерещится.

<http://bllate.org/book/15837/1439137>